

Теперь одиноки мы...

“80 лет одиночества”. Так назвал свою автобиографическую книгу Игорь Семенович Кон. Удивительно, что о своем одиночестве сказал именно он. Кто из ученых-гуманитариев не знал работ Игоря Кона, кто не считал особой честью знакомство и общение с ним?! Разве что патологические невежды и мракобесы, для которых его знания, мысли и человеческая мудрость не оставляли сколь-нибудь заметного места в духовной жизни общества. Все, о чем писал и говорил Игорь Кон, становилось предметом не только научного, но и широкого общественного внимания. В последнее десятилетие его персональный сайт посетили миллионы людей. И всем им, уверен, будет так же не хватать Игоря Кона, как не хватает его сегодня нашему социологическому сообществу, к которому он причислял себя прежде всего, несмотря на поразительное многообразие научных интересов. Круг общения Игоря Кона был необыкновенно широк — и в своей стране, и за рубежом. Питирим Сорокин и Дениэл Белл, Пьер Бурдьё и Раймон Арон, Роберт Мертон и Льюис Козер, Питер Бергер и Томас Лукман, Филипп Зимбардо и Серж Московичи — вот далеко не полный перечень легендарных ученых, которые составляли круг непосредственного общения Игоря Кона. В последние десятилетия не было в мире ни одного серьезного ученого в области гендерных исследований, проблем маскулинности и сексуального воспитания, который бы не был знаком с многочисленными трудами и публичными выступлениями Игоря Кона по этим вопросам. Как это ни парадоксально, но одиночество Игоря Кона как раз и заключалось в его огромной популярности. Ученый, труды и личность которого вызывают массовый интерес, нередко остается одиноким: публичность и популярность с трудом уживаются с непосредственностью и предельной близостью человеческих отношений.

Защитив к двадцати двум годам две кандидатских диссертации, а к тридцати — докторскую, Игорь Семенович слишком рано обрел статус мэтра и гуру, от которого окружающие ожидали научных откровений и житейской мудрости. Таким он и был в далекие годы советской оттепели, когда открывал первые страницы отечественной социологии. Таким он оставался и до последнего дня, ежегодно выпуская по новой книге, каждая из которых становилась событием в научной и общественной жизни.

У меня есть собственный и, к счастью, довольно длительный опыт общения с Игорем Семеновичем. Помню, при первой нашей встрече рассказал ему о своем методе исследования, который считал вполне оригинальным. Метод он признал вполне достойным, но порекомендовал не обольщаться относительно его оригинальности, поскольку американцы, наверняка, нечто подобное уже давно придумали. В ответ на мои возражения он просто пообещал посмотреть литературу по этой проблематике, чтобы подтвердить свое мнение. Каково же было мое удивление, когда при следующей нашей встрече он сказал, что литературу посмотрел и готов согласиться с моими претензиями на оригинальность. Для меня это был редкий и очень ценный урок отношения к науке и молодым ученым.

Не знаю, удастся ли мне, при всем желании, самому воспроизводить такое отношение к труду тех молодых людей, которые ищут свой самостоятельный путь в науку. Впрочем, повторить Игоря Кона во многих отношениях крайне трудно, если вообще возможно. Он был один такой в нашем

постсоветском гуманитарном пространстве. А уникальность невоспроизводима по определению. В подтверждение этого приведу еще один эпизод из моего общения с Игорем Семеновичем, к которому я обратился с вполне прагматичной просьбой — выступить оппонентом на защите докторской диссертации. Он, на удивление, легко согласился, хотя дело это весьма обременительное. Полученный отзыв несколько шокировал не только меня, но и ответственных лиц из Ученого совета: текст занял менее половины страницы, где оппонент сообщил, что сомнений никаких у него нет, а пожелание одно — быть более смелым в выводах, что, по его мнению, вполне позволяют результаты исследования. И хотя было это еще в советские времена, авторитет оппонента был настолько непререкаем, что даже осторожное институтское руководство с горестным вздохом приняло столь экзотическое свидетельство моей профпригодности и допустило к защите с невиданным дотоле отзывом оппонента. Да и в союзном ВАКе никто не возмутился столь явным пренебрежением традициями, требовавшими многостраничной оценки достоинств и несовершенств диссертаций. Кто бы еще мог такое себе позволить без ущерба для своего реноме и притязаний соискателя на вожделенную степень.

Последний раз я видел Игоря Семеновича в 2008 году, когда он приезжал в Киев, и мы несколько дней общались у меня дома. Именно тогда я сделал то, чего до этого не делал никогда: спросил его совета по самому важному для меня вопросу, окончательно решить который не мог годами. Он ничуть не удивился этому и четко аргументировал свое понимание ситуации, что и позволило мне принять окончательное решение. Думаю, найдется немало людей, которые благодарны Игорю Кону не только за его талант ученого, но и за то мудрое слово, которого они ждали именно от него. Спасибо, Игорь Семенович, прощайте — теперь одиноки мы все, кто Вас знал и безмерно ценил.

*ЕВГЕНИЙ ГОЛОВАХА,
главный редактор журнала “Социология: теория, методы, маркетинг”*